

Если в обозримом будущем машины будут делать существенную часть работы, которую сейчас делают люди, то остальным нужно как минимум обеспечить какой-то уровень дохода, который позволит им не умереть с голода. Так появилась концепция базового дохода. Есть эксперименты на уровне отдельных городов, провинций и даже стран, где каждый имеет гарантированный доход в размере 400–600 евро или долларов, которого достаточно для жизни.

Но не очень понятно, как от этого изменится жизнь. У нас же пока мало людей свободных профессий. Люди привыкли вставать рано утром, ехать на работу, где строго определён график. Это создаёт какой-то порядок в жизни. Каким будет социальное устройство, когда половина этих рабочих мест не будут нужны? Чем эти люди будут заниматься?

В развитых странах на протяжении последних 80 лет стабильно сокращается количество времени, которое люди уделяют работе. Неслучайно во многих европейских странах сложно найти магазины, работающие по выходным, после обеда сиеста. Когда человек понимает, что можно обеспечить семью, работая по 20–30 часов в неделю, он постепенно начинает по-другому выстраивать структуру жизни. У людей появляется время на второе или третье образование, занятия с семьёй, путеше-

рабочей силы, это привело к массовому подъёму организованных преступных группировок. То есть людей вытолкнули из легальной занятости, и они пошли в альтернативные сообщества, где жизнь тоже структурирована по правилам, но совершенно другим.

РОССИЯНЕ И ЖИТЕЛИ ДРУГИХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН В СРАВНЕНИИ С ЖИТЕЛЯМИ ЕВРОПЫ, США, КАНАДЫ, АВСТРАЛИИ МЕНЕЕ АЛЬТРУИСТИЧНЫ

? В одной из своих статей вы сравнивали ценности в разных странах. Как вы считаете, интернет способен уравнивать ценности или сформировать новые, единые для всего мира?

— Исследования ценностей проводят и на европейском, и на всемирном уровне. Они говорят нам о том, что россияне и жители других постсоветских стран в сравнении с жителями Европы, США, Канады, Австралии менее альтруистичны. Во многом это обусловлено советским и постсоветским опытом. Тем, что СССР был коллективистским

даже в США. Но одновременно с этим для многих людей характерно неприятие нового, страх перед изменениями.

Это основные ценностные отличия. Способен ли интернет это всё сгладить? С одной стороны, интернет и глобализация экономики многое меняют: мы начинаем есть ту же самую еду, одеваться в ту же самую одежду, что и жители развитых стран. У нас те же самые привычки, мы смотрим те же самые сериалы, слушаем ту же самую музыку. Всё это имеет своё влияние. Но я боюсь тут оказаться оптимистом. Например, у носителей английского языка нет вообще никаких проблем с доступом к информации. Но это совершенно не мешает распространённости довольно диких суеверий, предрассудков и мифов.

Всё-таки национальное самосознание во многом статично. Это отчасти связано с тем, что за последние десятилетия не только технологии, но и социальная жизнь стала меняться во всём мире быстрее, чем до этого. Сознание за этими изменениями не успевает. Антииммигрантские настроения в Европе связаны не только со всплеском терактов в последние годы. У людей стал нарушаться привычный ритм жизни: какие-то чужаки в массовом порядке появляются в соседних кварталах, у них иначе организована жизнь, у них другая вера, они приносят с собой свои обычаи, традиции, формы жизни. Мультикультурализм стал идеологией в западных либеральных университетах, но он не стал идеологией, принятой массовым сознанием. В какой-то момент обыватели начинают возмущаться тем, что жизнь меняется быстрее, чем им бы хотелось. То же самое касается отношения к ЛГБТ-сообществам. То, что стало социально узаконенной нормой, сознание ещё не может принять.

? Вы говорите, что доступ к информации открыт, а суеверия и предрассудки продолжают процветать. В России в последние годы появляется много новых бесплатных просветительских проектов, в том числе в интернете, но нельзя сказать, что они пользуются широким спросом. Почему у людей отсутствует мотивация узнавать что-то новое? Не оттого ли, что они не знают, что потом делать с новыми знаниями? Это как высшее обра-

СПРОС НА ПРОСВЕЩЕНИЕ НИЗКИЙ, ПОТОМУ ЧТО ЛЮДЯМ СОВЕРШЕННО НЕПОНЯТНО, ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ

ствия, резко возрастает волонтёрская активность. В странах, в которых развито гражданское общество, людям есть чем заняться, потому что они вовлечены во множество разных организаций, у которых есть дела на местном уровне: общины, собрания и т. д. И когда такие люди начинают меньше работать, они от этого не становятся асоциальными.

У нас же, по опыту начала 1990-х годов, всё происходит несколько иначе. В Екатеринбурге, например, когда крупные предприятия типа «Уралмаша» высвободили большое количество

государством. С момента развала СССР любая коллективность оказывалась для жителей постсоветских стран дискредитированной. Это сделало людей в большей степени индивидуалистами и в меньшей степени альтруистами, которые готовы заботиться о детях, стариках, животных, экологии и т. д. Мы намного больше ориентированы на личный успех, чем на помощь другим.

Неправильно было бы сказать, что мы консерваторы. Традиционные ценности в России распространены меньше, чем во многих азиатских странах и